

Ян Грейг

Не смотря ни на что

Ян Грейг

Не смотря ни на что

«Издательские решения»

Грейг Я.

Не смотря ни на что / Я. Грейг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-640858-6

Очень многие люди думают, что незрячие люди — это люди беспомощные. Они не могут ни в магазин сходить, ни еду себе приготовить, ни дойти куда-либо, словом, вообще почти ничего не могут. Эта книга опровергнет это мнение. В ней рассказывается о том, где и как обучают незрячих, чему их учат, как они становятся самостоятельными людьми, чем они могут заниматься и т. п.

ISBN 978-5-00-640858-6

© Грейг Я.
© Издательские решения

Содержание

Редакторская статья	6
Предисловие	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Школа Грота	8
В первый раз в первый класс	8
Такие разные одноклассники...	9
Музыка, которая всегда с нами	11
Питание	12
Как нас учили писать и читать	13
Как нас учили считать	15
Как нас учили геометрии	17
О наших учебниках	18
Что я делал вне школы	19
Поделка из овощей и фруктов	21
Наши коррекционные занятия в школе	22
Наш выпускной из начальной школы	25
Что нас ожидало в пятом классе	28
Ориентировка в пространстве в средней школе	30
«Школа – дом»	31
Большая ассамблея	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Не смотря ни на что

Ян Грейг

© Ян Грейг, 2024

ISBN 978-5-0064-0858-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ян Грейг

Не смотря ни на что

Редакторская статья

Мне выпала честь редактировать эту книгу.

На протяжении 15 лет я работала с незрячими и слабовидящими детьми в школе им. К. К. Грота – руководила школьным музеем. Могу сказать, что незрячий мир мне хорошо знаком.

Я изучала историю этой школы, написала о ней книгу. К. К. Грот – создатель общероссийской сети училищ для незрячих – считал, что реальная помощь незрячему человеку состоит в том, чтобы научить его самостоятельности и независимости от зрячих.

Кроме того, я видела и вижу много примеров прекрасной компенсации отсутствия зрения в виде особых талантов, невероятного упорства и прекрасной памяти незрячих и слабовидящих людей.

Таким примером является и автор этой книги, молодой выпускник школы К. К. Грота Григорий Иванов.

Рекомендую уважаемому читателю обратить особое внимание на то, какой невероятной памятью на очень давние и недавно произошедшие события обладает автор.

Думаю, детали его школьной жизни будут интересны многим.

Обратите внимание и на то, как хорошо автор понимает все, что происходит в школе и в музыкальных коллективах. Зачастую взрослые школьные работники и родители полагают, что ребенок является неким безответным объектом их действий (особенно если это ребенок-инвалид, который живет в своем собственном мире и мало контактен) и почти ничего не понимает. Но ребенок все чувствует, понимает, запоминает на всю жизнь как плохое, так и хорошее.

А читали ли вы когда-нибудь школьные сочинения? Если да, то сравните их с сочинением самого обычного выпускника школы К. К. Грота. Учтите, что ему не так просто писать, как зрячему молодому человеку. Книга написана живо, без всякого пафоса и... очень грамотно!

Я рада, что Григорий учился именно в этой школе – это позволяет ему становится тем, кем он становится прямо сейчас.

Пожелаем Григорию удачи, житейской и творческой – и продолжения!

(Жданкова О. А.)

Предисловие

В одном из дворов Красногвардейского района города Санкт-Петербурга, неподалеку от реки Оккервиль стоит длинный цементный забор двухметровой высоты.

Немногие жители Малой Охты и, тем более, нашего города знают о том, что находится за этим забором. Какой уникальный городской памятник скрывается там. Как живут ученики и учителя школы для незрячих и слабовидящих детей. Как учатся ребята. Кем становятся после школы.

Эта книга покажет вам наш особый мир – изнутри.

Итак, за высоким забором стоит четырехэтажное здание с двумя крыльями. Это школа-интернат имени К. К. Грота¹. На территории школы находится знаменитый памятник К. К. Гроту².

Внизу постамента сидит отлитая из гранита девочка и читает книгу, написанную специальным выпуклым шрифтом для незрячих: унциалом. Это символично для этой школы, ведь здесь обучают полностью незрячих и слабовидящих детей, делают из них вполне успешных, самостоятельных людей.

В этой школе и я учился. Я, Григорий Иванов, с самого рождения слабовидящий³. Так уж получилось.

¹ Школа—интернат носит имя Константина Карловича Грота, потому что именно этот политический и общественный деятель России конца XIX века создал всероссийскую сеть Александро-Мариинских училищ для незрячих, принципом которой было не «призрение» слепых, а их обучение и социальная адаптация.

² Знаменитый памятник К. К. Гроту, выполненный русским скульптором, академиком Императорской Академии художеств, Марком Матвеевичем Антокольским, был торжественно открыт у здания Александро-Мариинского училища в 1906 году. Памятник К. К. Гроту Марка Антокольского был перенесен на Малую Охту, когда школа переехала в этот район (60-е годы XX века). Само здание Александро-Мариинского училища существует и сегодня. Находится оно по адресу: улица профессора Попова, дом 37 Б.

³ Слабовидящий – это не то же самое, что близорукий или дальнозоркий (ребенок в очках). Подразумевается более серьезное нарушение зрения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Школа Грота

В первый раз в первый класс

В 2008 году я пошел в школу. Мне тогда было ровно семь лет, как и всем первоклассникам. Как я уже говорил, отправился я не в обычную школу, а в школу для детей со слабым зрением, а также для полностью незрячих детей. Но учились у нас не только незрячие и слабовидящие, но и дети с самыми разными заболеваниями.

Хорошо помню 1 сентября. Стояла настоящая питерская осень: холод пробирал до костей! Мы с моими родителями у памятника К. К. Гроту (именно там обычно и проходит линейка ко дню знаний) тряслись от холода. На линейке произносил речь наш директор, Мухин Алексей Викторович, пели старшеклассники... Словом, это была такая же линейка, как во всех школах. Потом нас повели в наш класс.

Такие разные одноклассники...

Не успел я еще прийти в школу, а у меня уже был лучший друг, который и до сих пор остается моим лучшим другом – Дима Б. С ним познакомились еще в подготовительной группе детского сада и за последний год сдружились. Я сидел на последней парте, а Дима передо мной.

Первую нашу учительницу звали Анна Владимировна.

Мы начали представляться. Представилась сначала Анна Владимировна, потом начали представляться мы. Все шло, в принципе, хорошо, пока очередь не дошла до одного мальчика, сидящего на предпоследней парте у окна. Он был единственным незрячим среди нас. Когда его спросили, как его зовут, он начал смеяться, по сути, без причины, и сквозь смех выдавил: «Кирилл В. Ч.». Когда его спросили, почему он смеется, он отвечал, что он просто веселый! Для первого класса это было еще более или менее допустимо, но дальше...

Итак, Кирилл все время смеялся, но была и другая крайность: училась у нас еще одна девочка, которая ну никак не хотела называть свое имя. С трудом Анне Владимировне удалось выяснить через родителей, что зовут ее Света Б.

Нас было человек двенадцать, но к концу начальной школы осталось восемь. Кто-то ушел на надомное обучение по разным причинам (надомное обучение – это когда ты числишься в классе, но на уроки не ходишь со всеми, а приезжаешь в школу и занимаешься один на один с учителем по индивидуальной программе). Кто-то (обычно, так оно и бывало) уходил на надомное из-за плохой учёбы или малой способности к социализации. Но был у нас еще один пацан, который, наоборот, ушел на надомное из-за того, что был слишком умным. Он за год осваивал программу двух лет!

В общем, начали мы учиться. О том, чему и как нас учили, я расскажу чуть позже, а пока хотелось бы остановиться на том, что мы делали на переменах. Если не считать Свету, в классе у нас было всего две девочки: Арина И. и Лиза. Б. Они были и остаются лучшими подругами и постоянно проводили время вместе. Плохо помню уж, чем они занимались, но наверняка это были детские девчачьи игрушки типа кукол, школы, доктора и т. п.

Вообще мы в классе сами разделились по двое, по трое. Помню двух одноклассников: Максим М. и Никита Д. Они, в основном, как бешеные, носились по коридорам и играли в «Наруто».

Кирилл на переменах сидел в коридоре, все время отчего-то смеялся, раскачивался взад-вперед, подергивал руками и т. п. Он вообще был немного психически ослаблен.

Был еще один у нас парень: Витя А. В первом классе он все время «катал нас на метро»: бегал по коридору, изображал едуший в метро поезд и говорил: «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция...».

А я? Мы с Димой были еще теми отбитыми! Только познакомившись с новыми одноклассниками, мы думали, почему у них такие имена, например: Арина – потому что она орет, Максим – потому что он делает максимум, и т. п. Но самая жуть была в наших... как бы это назвать-то... в общем, мы просто несли ахинею из набора отдельных фраз. Даже стыдно и смешно вспоминать, что это было. С одной стороны, – бред собачий, но, в то же время, вспоминаешь и покатываешься со смеху! И эти фразы мы из перемены в перемену долдонили!

После уроков (как правило, в первом классе у нас было не больше четырех-пяти уроков) мы ходили обедать, а дальше – кто шел домой, кто в музыкальную школу (в нашей школе была музыкальная школа, о которой мы поговорим чуть позже), кто еще на какой-нибудь кружок. Я ходил в музыкальную школу, а потом меня забирала домой.

Почему наша школа называется интернатом? Потому что дети могли в ней жить.

Дело в том, что эта школа была, в общем-то, одна на весь регион, если не считать школы №2, в которой учились только слабовидящие, поэтому сюда приезжали дети со всей Ленобла-

сти, и кому-то было неудобно и далеко ездить домой, а родители не могли часто забирать. Поэтому те, кто был в такой ситуации, жили там: завтракали, еще раз завтракали, обедали, полдничали, ужинали и ложились спать. Кроме того, здесь учились и жили дети-сироты. При школе находился и находится до сих пор детский дом.

Музыка, которая всегда с нами

В первом классе у нас были обычные звонки, но со второго класса они стали музыкальными!

На подъем и на каждый урок играла своя музыка. За пять минут до первого урока звенел первый звонок (Хачатурян, «Танец с саблями»), второй звонок звучал уже на первый урок - в девять утра (Чайковский, «Танец маленьких лебедей»). И на каждый урок играла своя музыка: Моцарт «Турецкий марш», отрывок из оперы Бизе «Кармен», что-то из Свиридова и Вивальди и т. п.

Для нас это было очень важно. Ведь мы, испытывающие проблемы с ориентацией, благодаря музыкальным звонкам, всегда знали, какой именно урок начинается.

Кроме того, мы, зачастую имеющие особую способность к музыке, с малых лет жили в окружении музыкальной классики.

Питание

Уроки у нас проходили по сорок минут, а не по сорок пять, как в обычной школе. Первый завтрак был только для тех, кто ночует, а второй – для всех. Для начальной школы завтрак начинался после второго урока, для старшей – после третьего.

У нас в школе есть такое понятие, как «ставить на питание». Что оно значит? Утром к первому уроку приходила воспитательница, спрашивала, сколько человек в классе, кто отсутствует, сколько остается на ужин и на завтрак следующего дня. Это было нужно для того, чтобы знать, на скольких человек заказывать еду. Да, у нас еду не готовили, а привозили уже готовую, а повара просто разогревали. До сих пор помню, как я в классе, наверное, седьмом, может в шестом, съел три тарелки пюре с мясом, или с рыбой. Вообще мне часто оставляли добавку, потому что некоторые ребята просто не приходили на обед, хотя их ставили на питание, и их порция оставалась. Приходилось ее есть мне. Раз как-то я говорю, доедая уже вторую порцию пюре: «А это чья?». «Твоя», – смеясь, ответил мне Дима. И мне пришлось есть еще одну. Поэтому я в начальной и средней школе был кругленьким, отъедался на добавках, как мог. После обеда можно было остаться в классе и делать уроки.

Были воспитатели, которые помогали с уроками. Кто-то был просто как второй учитель.

В целом, в младшей школе, конечно, были свои радости, обычные детские дела и игры, но одноклассников (да и самого себя) я воспринимал как ребят странных, психически неполноценных, живущих в собственном мирке, совсем не похожем на большой мир здоровых детей.

Учились мы в школе двенадцать лет, а о том, почему и как, я расскажу в следующей главе.

Как нас учили писать и читать

В школьной параллели было 4 класса: А, Б, В и Г.

В А учились, в основном, незрячие и очень слабовидящие люди, те, кто писал шрифтом брайля⁴.

В остальных классах учились те, кто видит лучше и может писать обычным шрифтом.

В классе же Г учились те дети, которые имели некоторые отклонения и нарушения в умственном развитии.

Ученикам класса А, а часто – и другим – не обойтись без прибора для письма по брайлю. Теперь о том, что такое брайль.

С чего бы начать? В общем, существует специальный прибор, он так и называется прибором, никак иначе, в котором несколько клеток (сам по себе прибор железный). Клетки располагаются как по горизонтали, так и по вертикали. Обычно строчек восемнадцать, а на каждой строчке 24 клетки, но есть и исключения.

Сам прибор имеет крышку с клетками и линию изгиба, на которую ставится тетрадный лист. Тетради были тоже специальные, со специальной бумагой. На обложке этой тетради крупными буквами писалось, что это тетрадь для письма по брайлю для слепых детей. Так вот, тетрадный лист кладется линией изгиба на линию изгиба прибора так, чтобы обе линии совпали, и зажимается сверху и снизу в двух штифтиках. Далее закрывается крышка, и уже на самом приборе с двух сторон сверху и с двух сторон снизу зажимаются штифтики, чтобы лист не съехал с прибора. Затем берется маленький грифель (приборчик с седлышком для пальца и иголочкой). Палец ставится на седлышко, а иголочка прокалывает в клетках прибора точки, из которых и складываются буквы, из букв – слова и так далее).

В каждой клетке шесть точек – три справа, и три слева. Дальше схема выглядит еще интереснее. Когда мы закончили писать, открываем крышку прибора и вынимаем лист. Пишется все справа налево, а при вытаскивании листа буквы как бы зеркально переворачиваются и читаются слева направо. При этом буквы и их написание не меняется.

И вот нас в первом классе учили сначала писать шеститочия, чтобы рука привыкла к брайлю и к тому, что в каждой клетке грифель нужно ставить на определенную позицию. Еще раньше учили заправлять лист в прибор (я очень долго не мог понять технологию этого всего, и потом пол-года после первого класса на даче с мамой и бабушкой учился это делать, и только ко второму классу – научился). Далее нас учили писать буквы. Сначала мы учились их читать, затем писали их в так называемой «колодке шеститочия». Это такая кубообразная штука, в которую ставится грифель и тоже можно писать буквы, но она раза в три меньше и уже обычного прибора. Постепенно мы учились читать небольшие тексты с теми буквами, которые уже знали, и писать их.

Таков краткий экскурс в написание букв по брайлю. Буква а – первая точка. Буква б – первая и вторая, визуально похожа на небольшой столбик. Буква л – первая вторая и третья (столбик побольше). Буква в – вторая четвертая пятая и шестая. Это уже посложнее, потому что вторая и пятая точки – точки средние, и попасть на них грифелем сложнее, чем на остальные, потому что первая, третья, четвертая и шестая точки – точки угла клетки (это, кстати, буква щ).

Но самое интересное и полезное заключается в том, что на обратной стороне тетради была подсказка для зрячих, для родителей, например: как пишется та или иная буква или знак

⁴ Луи Брайль – французский ученый 19 века, незрячий, придумавший специальную азбуку для незрячих. Заслуга Луи Брайля неопределима – с помощью системы рельефного шеститочия. Брайль решил проблемы письменности, написания цифр, книгопечатания и нотописи для незрячих. В дальнейшем – брайль, с маленькой буквы.

препинания. И родители могли дома проверять грамотность ребенка и то, как он пишет. Проверяли и меня. Но, честно говоря, со средними точками у меня были большие проблемы. Я не мог поставить руку с грифелем так, чтобы проколоть вторую или пятую точку, и она не съехала бы куда-то в угол.

Кстати, этим же страдал и мой друг Дима. После обеда мы с ним сидели в классе и делали уроки. Юлия Андреевна, наш воспитатель, все время вызывала нас к учительскому столу, чтобы проверить, как мы пишем. И каждый раз нам говорила: «Никаких вам рекреаций, будете сидеть и писать, пока не научитесь». Рекреацией мы называли коридор, где мы все играли и бесились. Соответственно, если нам не разрешали выйти в рекреацию, значит, сиди и делай уроки до посинения. Жестко, но зато справедливо.

Как нас учили считать

Как и всех, в первом классе нас учили считать просто сначала от одного до десяти, на палочках, потом элементарные действия: $1+2$, $5-1$ и т. п. но интересно выглядит схема написания цифр по брайлю. Точек-то всего шесть, а знаков много. Тут тебе и буквы, и цифры, причем, буквы как русские, так и латинские (английские), а еще ноты. Как все вместить в одну шестиклеточную систему?

Чтобы из буквы сделать цифру, нужно к ней приписать так называемый цифровой знак. Это своего рода сигнал, что перед нами цифра, а не буква. Так, например, буква а и цифра 1 пишется одинаково, но если поставить перед буквой а цифровой знак, то мы понимаем, что это цифра 1, а не буква а. С цифрой 2 и буквой б такая же ситуация.

Но как же писать двузначные числа и числа с большим количеством знаков? Перед десятком ставится цифровой знак, а перед последующей цифрой уже нет. То есть, если мы хотим написать число 10, то мы перед единицей должны поставить цифровой знак, а перед нулем уже не надо. Знаки плюс и минус тоже совпадали со знаками препинания в русском языке. Плюс – это восклицательный знак, минус – дефис, умножить – апостроф или кавычка, разделить – точка. Так примерно это и выглядело.

Когда же мы перешли в пятый класс, у нас появились дроби. Всем известно, что в дробях пишется сверху числитель, а внизу – знаменатель. По брайлю была примерно такая же схема. В одной клетке писался цифровой знак, в другой числитель дроби, а в третьей – знаменатель, причем, знаменатель писался со сдвигом на точку вниз. Так, например, если надо было написать дробь одна вторая, это писалось так: цифровой знак, цифра один, и двойка, «спущенная» на точку ниже (обычная цифра два писалась первой и второй точками, а «спущенная» – второй и третьей).

Так же работало и с остальными дробями, но не с десятичными. Чтобы написать десятичную дробь по брайлю, нужно было написать целое число с цифровым знаком, поставить запятую и без пробела (после запятой никогда не ставился пробел, даже в русском языке) написать десятую или сотую долю уже без цифрового знака. Еще интереснее писались дробные выражения, где в числителе и знаменателе стояли разные действия и латинские буквы типа а -b, или 2a. В этом случае писалась дробная черта, которая пишется так же, как буква ю. и это выглядело так: перед числителем ставился значок открытия дроби (вторая и третья точки), писался сам числитель, далее после пробела писалась буква ю (дробная черта) и шел знаменатель и дробь закрывалась (точки пятая и шестая).

Как мы писали степени? Чтобы написать число в какой-то степени, нужно было поставить после числа сначала третью и четвертую точку, а затем степень, в которую возводим, при этом число спускалось на точку ниже, как в дробях.

А если, например, надо было написать выражение $2a$, а буква а так же, как буква а русская, пишется как цифра один? Легко же перепутать и написать число 21. Тогда как быть? В этом случае ставился признак малой или большой латинской буквы. Если нам надо было написать выражение $2a$, то перед буквой, чтобы не спутать ее с цифрой, мы должны были поставить шестую точку, если это малая буква, или четвертую и шестую, если большая.

Вообще цифры от одного до нуля пишутся по брайлю так же, как латинские буквы с апо j. И чтобы избежать путаницы, ставили признаки латинских букв. Начиная с буквы ки до последнего сходств в брайле с цифрами нет, поэтому здесь шестую точку можно было не ставить.

Если же в степени было целое выражение, то степень нужно было «закрывать», чтобы отделить выражение, стоящее в степени, от остальных чисел. Закрывалась степень русской буквой ш.

Интеграл писался максимально заумно. Я даже сейчас не все вспомню, помню только, что он писался как буква ы. Наши ребята его называли «ынтегралом» исключительно поэтому.

Как нас учили геометрии

На каждый предмет у нас было по две-три тетради: рабочая, тоже бывало, что не одна, для контрольных работ и справочник (по некоторым предметам).

Справочник нужен был для записи теории: всяких правил, например, и т. п. Такой справочник был у нас по алгебре и геометрии. Также по алгебре у нас были две рабочие тетради, чтобы одну сдать на проверку домашнего задания, а другую оставить для работы в классе. В конце учебника по геометрии, после всех ответов у нас шли рисунки. Их мы могли использовать для решения задач. «Как же выглядели рисунки по брайлю?», – спросите вы. Я вам отвечу: их рисуют в приборе «Школьник» на обычной брайлевской бумаге, используя брайлевскую линейку. О том, как выглядит прибор «Школьник», мы поговорим позже.

Брайлевская линейка выглядит так же, как и обычная, с той только разницей, что на ней деления подписаны по брайлю с двух сторон. Нужно класть линейку на тетрадный лист, вставленный в прибор «Школьник», и соединять точки в фигуру. Сложно, но реально. И мы строили такие рисунки, и смотрели их в учебнике, пользовались при решении задач.

Если кому-то что-то в рисунке не было понятно, учитель подходил к каждому и показывал буквально руками ученика. Были и есть еще брайлевские треугольники. Они были нужны для того, чтобы нарисовать по брайлю треугольник. Можно было для простоты обколоть по контуру имеющуюся модель и получить готовый треугольник. Были и есть также брайлевские транспортиры для измерения градусов у углов на рисунке. В общем, все было как у всех, только с особыми условиями.

О наших учебниках

Если обычный школьник мог взять учебник по любому предмету на год или полгода, то мы так делать не могли. Учебники шрифтом брайля печатаются в Москве в двадцать седьмой типографии для слепых. В одну брайлевскую книгу не влезет все содержимое зрячего учебника (да, кстати, брайлевские учебники перепечатывают со зрячих), и поэтому мы должны были периодически менять старые книги на новые, когда видели, что в учебнике нет того, что есть у учителя. В начальной школе за этим следила учительница, а дальше за этим должны были следить только мы. Но мы иногда разгильдяйничали и не отслеживали это, а потом на уроке: «Ай-ай-ай, как же так! У нас книга кончилась! Надо пойти поменять». Это, порой, очень сильно злило преподавателей.

На перемене. И снова о Вите А.

В начале книги я уже говорил о нашем однокласснике Вите А. Помните, как он в первом классе играл в метро? Но это увлечение у него относительно скоро прошло. Ко второму классу он начал слушать кассетные магнитофоны со старыми советскими записями, преимущественно рок-музыкантов, таких как группа «Динамик», «Карнавал», «Альфа» и другие. Он был в принципе воспитан по советской манере, и кассетные магнитофоны у них в семье были всегда в тренде. И вот он мало того, что слушал, так еще и во весь голос пел песни, которые слушал. Яркий пример – песня «Мячик» группы «Динамик» и Владимира Кузьмина.

«Может быть, все было бы иначе,
Может быть, все было бы иначе,
Если б я тебя уговорил.
Жизнь меня бросает, словно мячик,
Жизнь меня бросает, словно мячик,
И я качусь, пока хватает сил».

Эту и другие песни Витя все время пел на переменах до самого выпуска из школы, чем вызывал негодование у одноклассников, и недоумение у учителей.

Кроме того, он был неглупым (учился в целом неплохо), но крайне нервным. По любому поводу мог завестись, начать рвать бумажки и раскидывать их по всему классу, лопать пакетики из-под печенья, например. Дима даже ему кличку подобрал: «лопатель пакетиков». А как-то на уроке, но это уже в более старших классах, он подписал листок с контрольной работой не своим именем и фамилией, а датой работы «10 апреля», чем и заслужил следующую кличку: «десятое апреля». Вообще с ним можно было найти контакт, но из-за того, что он был немного странным и воспитан не на современный лад, ему приходилось не сладко. Далеко не все хотели с ним дружить и общаться, а многие даже издевались из-за этого.

У нас с ним никогда не было серьезных конфликтов, я вообще относился к нему всегда нормально.

Что я делал вне школы

Теперь о том, чем же я занимался, когда не учился.

Как я уже писал раньше, я ходил в музыкальную школу, которая находилась при нашей школе, и о которой в дальнейшем пойдет отдельное повествование.

Мой дом находился довольно далеко от школы. Соответственно, сам я ездить туда не мог, поэтому моему папе приходилось каждый божий день вставать в семь утра, готовить мне завтрак и вести меня в школу через весь город, по всем пробкам. У нас были самые разные маршруты.

Одним из ярких воспоминаний от поездок в школу стало прослушивание радио «Юмор ФМ» и шоу «Наша Раша». Иногда, правда, когда это было очень нужно, мы ездили в школу на метро, но это в особых случаях.

Что же я делал дома? В основном, если не делал уроки, то слушал магнитофон с различными дисками. Диски были самыми разными, от детских песен до познавательных аудиокниг. Еще я наблюдал, как мой младший брат играет в компьютер (у нас с ним была совместная комната). Приходилось вечно договариваться, что в такое-то время я слушаю магнитофон, и он мне не мешает своим компьютером, а в другое время я ему уступаю, и он может поиграть в компьютер.

В третьем классе я с папой ходил в бассейн. В бассейн нас водили еще в школе, но я плавать не умел, а там особо не учили. Поэтому папа взялся меня учить сам. Купил абонемент в спортивной школе, находящейся неподалеку от нас, и мы с ним по воскресеньям ходили туда и учились плавать с доской и без. До сих пор помню: каждое воскресенье в 19.30 выходим из дома, в 19.45 запуск в раздевалку, в восемь вечера проход в воду и сама тренировка, в 20.45 заканчиваем, едем домой, наспех пьешь томатный сок и спать, потому что в понедельник на учебу. Классные были времена! Устаешь, бывало, как черт, но оно того стоило! Эти тренировки были лучше всяких групповых, потому что ты занимаешься один на один, и тебе в любой момент подскажут и подправят, если ты что-то не так делаешь. А особенно ценно, когда это делает твой собственный отец!

В итоге, за четыре месяца еженедельных тренировок я научился плавать и держаться на воде, и следующим летом, когда мы поехали с родителями на Кипр, уже мог плавать без надувных колец. Еще я ходил на академическую греблю.

В моей семье сплошные гребцы: папа – КМС по гребле, мама – тренер, брат – действующий спортсмен. И я ходил какое-то время на греблю для инвалидов. Моим тренером был Зорин Алексей Викторович. Особенность этого тренера заключалась в том, что он был с ДЦП, но он смог себя непросто поставить на ноги, но и сделать из себя спортсмена! И начал тренировать других. Правда, не всегда я понимал, что он мне говорит в шуме зала и из-за особенностей его дикции, но в целом мне даже нравилось. Еще со мной на греблю ходил Коля Дементьев – мальчик из параллельного класса (я учился в А классе А он – в Б). но, правда, на воду мы почти не выходили, а если выходили, то очень редко. В основном, мы занимались на концентре – тренажере, имитирующем греблю на воде. Он представлял собой банку, на которой можно было делать подъезды, и рукоятку, которую надо было тянуть на себя, помогая толчками ног. Человек садится на банку и закрепляет ноги в специальных пазах. Затем, берет рукоятку и тянет на себя. При этом банка и сам человек едет назад. Это и есть гребок. Потом он делает подъезд к тому месту, где крепится рукоятка и ноги, и обратно. Сверху на табло фиксируется, с каким темпом ты идешь, какой у тебя пульс, и т. п. По этому тренажеру проводились даже соревнования!

А мой брат примерно в это же время занимался тейквондо. И схема «передачи детей» была такой: в понедельник и в среду папа меня забирал из школы и вез туда, где занимался

брат, там мама меня встречала, она только что отвезла брата на занятия, и мы с ней ехали домой, а папа оставался там, чтобы дожидаться брата. Были же времена хорошие, а?

Поделка из овощей и фруктов

Кажется, в третьем классе, а, может, во втором, Анна Владимировна задала нам сделать поделку из овощей и фруктов. Мы ее делали с папой. Мы не придумали ничего лучше, как сделать из огурца крокодила Гену. Когда мы, точнее, папа, ее сделали, папа сказал: «Раз есть Гена, значит, нужен Чебурашка». Стали делать Чебурашку. Только вот вопрос: из чего? Чебурашка же коричневый!

Решили сделать его оранжевым, из моркови. Но самое интересное было с утра: когда мы проснулись и стали собираться в школу, папа, к своему ужасу и огорчению, увидел, что у Чебурашки уши свернулись в трубочку! Папа был явно расстроен: пол вечера в никуда. Но поделки оценили, а это главное.

Наши коррекционные занятия в школе

После обеда у нас в школе были так называемые «коррекционные занятия», где нас учили ориентироваться на местности, социализироваться и т. п.

Двумя самыми, на мой взгляд, важными занятиями стала ориентировка в пространстве и социально-бытовая ориентировка – СБО. В начальной школе оба этих занятия вела одна педагог Ольга Брониславовна, а в средней школе ориентировку у нас стала вести Ногина Любовь Борисовна, а СБО во-первых, вошло в урочное время (было как урок), а во-вторых, его вели две преподавательницы: Медведева Любовь Борисовна и Строгонова Наталья Николаевна.

Но обо всем по порядку. Начнем с ориентировки в младшей школе. Как нас учили ориентироваться в начальных классах? Даже на уроках физкультуре или в столовой нам говорили: «Идем по стеночке. Чувствуем рукой стеночку, идем по правой стороне» (последнее было актуально, когда идем по лестнице). Это уже были основы основ ориентировки в пространстве: чувствовать ориентир поблизости, чтобы не сбиться с пути. Со временем нам рассказали, что есть ориентировочные трости белого цвета, которые при выпрямлении руки вдоль туловища являются как бы ее продолжением, и по звуку стука об асфальт или о другие окружающие поверхности подсказывают, где мы сейчас находимся. Существуют также люминесцентные трости (это трости с красными и белыми звеньями, в темноте красные звенья светятся, что указывает автомобилисту, что идет незрячий человек). Бывают также звуковые трости, на которых расположены улавливатели звука по всей длине. Как это выглядит? Вставляется наушник в ухо незрячему, а другой конец идет в трость и соединяется с улавливателями.

Если мы приближаемся к препятствию, в наушнике начинает тикать, или щелкать звук, показывающий, что мы идем на какой-то объект. И чем ближе, мы подходим, тем громче звук. Но был в этом и один крупный минус: под дождем улавливатели могут сломаться из-за попадания воды. Для этих же целей существуют звуковые броши и очки-локаторы, которые работают по такому же принципу, но их надо предварительно заряжать. Крепится на грудь брошь или надеваются очки, в карман кладется улавливатель звука (как небольшая коробочка), а в ухо наушник. И он также при приближении к объекту и заряженности аккумулятора срабатывает, реагируя на звук.

Первое время в начальной школе нам просто про них рассказывали и показывали, но на улицу мы с ними почти не выходили. А в средней школе ориентировка уже началась посерьезнее, но об этом будет чуть позже. Еще одной интересной темой касательно ориентировки является прибор-ориентир. На нем можно выкладывать маршрут, по которому идем из маленьких кубиков, деталек, чтобы лучше сформировать представления о том месте, где находимся и куда идем.

Выглядит это примерно так: большая, даже огромная коробка с деталями, закрытая не менее громадной крышкой. Крышка открывается и кладется рядом, на ней выкладывается маршрут. Крышка магнитная, и к ней легко примагничиваются детали и кубики. Здание можно изобразить из нескольких прямоугольников, поставив их друг на друга, тем самым показав количество этажей. Вход в здание – полукруг. Окошки в здании – небольшие черные полоски. Зеленые насаждения – прямоугольники зеленого цвета с шершавой поверхностью. Представляя себе маршрут, незрячий человек может выложить его на приборе с помощью тех или иных деталей. Здания, окна, деревья, зеленые насаждения – это все ориентиры, и, выкладывая их на приборе-ориентир, человек закрепляет представления о маршруте на примере этих самых ориентиров.

Теперь по поводу СБО. СБО – это социально-бытовая ориентировка. Здесь незрячих учат ходить самостоятельно в магазин, платить за покупки, подбирать себе одежду, планировать

бюджет и т. п. В начальной школе у нас было это тоже как теория, а в средней уже началась теория с практикой. Даже готовить там учат. Помню, в третьем классе мы все готовили горячие бутерброды, а в четвертом – торт. Каждому надо было принести что-то из ингредиентов. Для бутербродов я приносил колбасу, для торта – шоколад. Помню, этот торт мы делали трехслойным, я взял кусочек домой, чтобы дать попробовать своим, а он у меня рассыпался по дороге. Потом я такой же торт с бабушкой и сестрой делал летом к своему дню рождения.

Еще одним коррекционным занятием в нашей школе является развитие зрительного восприятия – РЗВ. Не знаю, правда, как оно поможет полностью незрячим или тем, у кого зрение крайне плохое и ничего с ним сделать уже нельзя, но как факт, предмет этот у нас был. Ходили на него, правда, не все, но я ходил, если у меня не было в этот момент музыкальных занятий. Нас водили в темную комнату (в blackbox) и показывали различные предметы разных цветов, а мы должны были сравнить их: по цвету, по размеру, по толщине и т. п. и делать это следовало глазами.

Еще у нас были такие занятия, как:

– психология (это просто работа и общение со школьным психологом);

– пескотерапия (нас приводили в комнату, где стояла песочница с чистейшим песком.

Мы могли опускать в песок руки, «общаться» с ним);

– плоскостная лепка и т. п. на последние можно было ходить по желанию.

Но основными нужными для жизни незрячего занятиями были СБО и ориентировка в пространстве.

«Прошлое на кончиках пальцев»

Со второго по четвертый класс раз в год нас возили в фондохранилище Эрмитажа, где показывали всяческие исторические и археологические объекты. Их можно было потрогать, пощупать, и, главное, попытаться раскопать из песка. Там был почти такой же песок, как в классе пескотерапии. Нам давали специальные кисточки, и мы копали песок, и в конечном итоге что-то находили. Словом, давали нам почувствовать себя археологами.

С четвертого по шестой класс эти занятия у нас проводились каждый месяц.

В конце шестого класса был выпускной вечер, как подведение итогов всех занятий. Занятия проходили в рамках проекта, выдвинутого Петербургским Зимним дворцом под названием «Прошлое на кончиках пальцев». Само название говорит нам о том, что здесь незрячие могут изучать историю наощупь, полагаясь только на кончики пальцев.

Кстати, в сам Зимний дворец (Эрмитаж) нас тоже водили, раз в год в конце каждого года, пока шел этот проект.

В седьмом классе мы в фондохранилище уже не ездили.

«Опять лает?» и другие казусы К.

К. – единственный незрячий одноклассник с очень большими странностями, обусловленными, возможно, психическими нарушениями.

Мы уже говорили, что он все время по поводу и без повода смеялся, но это еще далеко не все. Он придумывал разные крайне странные фразы, и также сквозь смех говорил их.

В третьем классе мы писали диктант про лисенка. И когда Анна Владимировна проверяла работу Никиты, то увидела, что он случайно наколол лишнюю точку в букве л, и из л получилась буква п. Анна Владимировна ему на это указала, и Кирилл, услышав, какое слово получилось у Никиты вместо слова «лисенок», начал дико смеяться. После этого случая он стал на уроках ругаться матом: придумал так называемый «бладинский счет», и, приседая на физкультуре, он, подсчитывая разы, сколько он раз присел, перед каждой цифрой ставил «бл».

Соответственно, можно догадаться, что было вместо цифры пять!

Учительница его и с урока выгоняла, и с родителями разговаривала – все без толку. В пятом классе было какое-то родительское собрание, и кто-то из учителей напрямую сказал его маме: «Ваш К. лает на уроке», на что мама с грустным и обреченным видом, вздохнув, спросила: «Что, опять лает?» Эта фраза стала «крылатой», когда речь идет о К. Чего он только ни делал: лаял на уроках, бился головой об парту, когда у него отклеилась обложка от словаря по литературе, говорил тупые фразы не к месту на уроках, стучал ногами и визжал, если понимал, что не успевал за классом... Раз, сидели на уроке истории в школе (историю вела наша классная руководительница Ирина Юрьевна) и писали конспект. И он отстал от нас. Как он начал визжать, кричать и стучать... В итоге Ирина Юрьевна сквозь зубы сказала: «Ну все, ты меня достал!» Так, визжащего и орущего, его и увели к папе.

Кроме того, он был ужасно несамостоятельным. Понятно, что он был незрячим, и ему было тяжелее всех нас вместе взятых, но родители делали за него буквально все. Папа так же, как меня, привозил и забирал из школы, но если мой папа не ходил со мной по школе и не нянчился со мной повсюду, то его папа так делал. Я не раз видел, как он буквально раздевал его... придя в класс с папой, К. садился за парту, а папа за него доставал его тетради, на переменах он сопровождал его по всей школе. Разве это дело?

Еще бывало, что все домашние работы у него сделаны были «на пять», а в классе он сам не мог сделать ровным счетом ничего. В итоге выяснялось, что за него даже домашку делают дома. Зато он мог в тетрадках на диктантах и на сочинениях писать маты и всякие другие неприличности. Я уже понимал, что если он что-то пишет и смеется при этом, значит, все – там что-то непристойное. И я почти всегда оказывался прав. В итоге, он не доучился с нами до конца. Ушел в другую школу, где проще программа, но это уже другая история.

Читатель, позже ты поймешь, зачем я так подробно расписал про К., стоит только подождать.

Наш выпускной из начальной школы

В 2012 году мы заканчивали начальную школу. В апреле того же года нас собрали с параллельными классами (четвертым Б и четвертым В), и наши учителя объяснили нам сценарий и раздали слова.

Где-то с мая мы начали репетировать. Многие из наших не учили слова, чем очень злили учителей. Идея была примерно такой: в средней школе был ведущий всех концертов (конференсье) и художественный руководитель всех выступающих – Барканов Александр Анатольевич. Была еще Артамонова Марина Викторовна, отвечающая за проекты по обмену (в нашу школу часто по обмену приезжают немцы, поляки и другие гости из разных стран, и наши ребята ездят к ним. Между ними происходит такое некое сотрудничество и содружество).

И вот, по нашему сценарию, якобы в школу приезжает Федор Бондарчук. Марину Викторовну играла Соня К. из параллельного класса, Александра Анатольевича – Витя. Федором Бондарчуком был Никита. Он почти всегда приходил на репетицию с невыученными словами, чем очень раздражал Анну Владимировну. Была у «Бондарчука» помощница Танечка, которую играла Надя П. из параллели. Александр Анатольевич и Марина Викторовна водили «Бондарчука» по всей школе, а он ходил и все «снял». И все время приговаривал: «Танечка, не отставай, что же ты все время отстаешь?!», а Танечка говорила: «Кабинет... такой-то, кадр... такой-то, дубль первый». И все время эффектно делала жест ногой и хлопок рукой.

Когда они уходили со сцены, всегда шли песни (в основном это были песни про то, «что сейчас снимают»), в которых участвовал либо я, либо я с кем-то в паре, либо группа ребят. Мы с Егором К. из параллельного класса пели песню про директора на мотив песни «Ваше благородие» из кинофильма «Белое солнце пустыни». Мы пели в огромных шапках, которые никак не налезали нам на головы. Один раз даже на репетиции эта шапка улетела с моей головы в зал.

24 мая был сам концерт. Из моих – на него ходила мама и снимала номера с нашими ребятами тогда еще на фотоаппарат. Жалко, что все это теперь пропало. На сцену вышли Соня и Витя. Соня («Марина Викторовна»), сказала Вите («Александр Анатольевич»):

– Александр Анатольевич, к нам в школу хочет приехать Федор Бондарчук. Он хочет снять фильм о нашей школе.

– Снять, говорите, фильм о школе? А что мы ему покажем? Надо срочно все подробно обсудить. Это так неожиданно!

– Уже поздно. Он уже здесь.

Выходит Никита. Перво-наперво его повели в кабинет директора. Танечка сказала: «Кабинет директора, кадр первый, дубль первый». Под вступление своей песни на сцену, приобнявшись, вышли мы с Егором. У Егора был довольно звонкий голос, и на его фоне мой звучал приглушенно. Мы начали:

«Ваше благородие, директор уважаемый.

Мы хотим признаться вам

В чувствах несгораемых.

Вы прощаться с нами

Рано не спешите.

В пятый класс с напутствием

Вы нас проводите.

Вы прощаться с нами

Рано не спешите.

В пятом классе дальше вы

Жить нам помогите».

Затем мы спели еще один куплет и ушли, также приобнявшись.

Предполагалось, что после нашей песни директор скажет речь, но он куда-то уехал, поэтому, по сути, наша песня просто прошла в пустоту.

Далее шла песня про завуча. Ее пели многие ребята, в том числе К. Не знаю, зачем К. дали микрофон, он в него постоянно смеялся. Поэтому он даже не рассказывал стихотворения на праздниках в школе: он выучить-то мог, мог даже рассказать с выражением, но стоило ему дать микрофон, как он начинал в него смеяться и все проваливал. В общем, песню про завуча тоже как-то худо-бедно спели.

Дальше шла песня про учительницу английского языка Ольгу Юрьевну. Эту песню сделали на мотив песни Ижевской «Кошка». Ее пела Лиза с ушками и хвостиком кошки. «Наверно, в следующей жизни, я выучу английский, немецкий, французский. А после, в следующей жизни, я выучу японский, китайский...», – пела она. Такое заигрывание с Ольгой Юрьевной!

Потом, насколько я помню, была песня про физкультуру. Ее пели многие парни, в том числе и я. Витя перед нашим выходом сказал про учителей физкультуры начальных классов – Ларису Николаевну и Наталью Валентиновну: «Сами всегда в отличной форме, и детишек к этому приучают. Но вы сейчас сами в этом убедитесь». Для этой песни мы взяли за основу песню Высоцкого «Гимнастика». Пели придуманные на этот мотив слова, параллельно маршируя в такт музыке. Дальше была очень интересная песня про РЗВ. Ее пел один Егор в шарфе Остапа Бендера из Двенадцати стульев», и за основу взяли именно его песню.

«Где по рекреации
Бегают бизоны,
Где носятся ребята на огромных скоростях,
Там кабинет коррекции Ксении Сергевны,
Знаем мы теперь, как дважды два.
Чтобы обнаружить берег в океане,
Чтобы на уроке нам Америку открыть,
Чтоб не заблудиться в городах и странах,
Надо на коррекцию зрения ходить».

Сам Егор был в шарфе и стоял почти снизу сцены, а сзади на его фоне танцевали ребята. Потом была песня про СБО. Здесь тоже взяли за основу песню Бендера. Но пели ее многие, в том числе я, а Егор солировал из-за кулис.

«Нет, мы не плачем,
И не рыдаем,
Упорно СБО мы в школе изучаем.
Серьезнейший предмет
И строгий педагог,
Но все же, СБО – любимый наш урок...»

На припеве Надя П. в процессе пения танцевала вокруг меня.

«Профессии, транспорт, одежда... ведь в мире так много чудес.

Нас СБО учит законам общенья, чтоб в жизни не жить, как балбес».

И это действительно так! На что направлен был этот предмет, я уже говорил выше. Далее мы пели песню про логопедов. Ее пела одна Соня на мотив песни «Помоги мне!» из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Вообще многие, если не все песни, мы брали из Советских кинофильмов. Была еще песня про психолога, про технический персонал. И в конце мы все пели песню «круто», на мотив песни «Круто ты попал на TV». В конце пения Соня объявила: «А сейчас – торжественная минута». Людмила Геннадьевна (завуч начальной школы) должна была объявить приказ о переходе нас в пятый класс. Но она сказала: «Вы знаете, я думаю, что торжественная минута не состоится. Это все неправильно. Мы не можем отдавать таких детей в пятый класс. Кто же будет выступать на наших праздниках? Ребята, может останетесь?»

Сейчас я понимаю, что она шутила, но тогда я на полном серьезе подумал, что нас вправду не переводят в пятый класс, и жутко напугался. Но все закончилось хорошо. Людмила Геннадьевна объявила приказ о нашем переходе и концерт закончился. Потом мы пошли в класс, где было чаепитие и приходил заказной клоун, который гримировал всех и рисовал лица, кто какие захочет. Я не гримировался, как бы меня ни заставляли, до сих пор не люблю это дело. Потом мы с мамой поехали домой под диск с песнями Ньюши.

Что нас ожидало в пятом классе

В четвертом классе нас пугали: «Вот придете в пятый класс, там будет не чтение, а литература, будете огромные книги читать за раз!» или: «Вот придете в пятый класс, Владислав Васильевич (учитель физкультуры в средней школе) с вами церемониться не будет. Не справляешься с лыжами, разбираться не станет, что ты не можешь. Два поставит и дело с концом. Очень много будет лазаний, конь, бревно и т.п.».

Соответственно, немного было страшновато идти в среднюю школу. А когда мы пришли в пятый класс, все оказалось еще интереснее. Дело в том, что некоторые ребята в нашей школе воровали вещи других учеников из гардероба. Вешалки стояли в открытом доступе, и любой мог подойти, взять любую вещь и уйти в ней. Ладно еще, если это незрячий, ну мало ли, не понял, что это не его куртка, но хуже, когда это делают зрячие специально. Директору это все надоело, и он распорядился поставить в школе индивидуальные шкафчики. У каждого был свой шкафчик с ключом. И когда мы пришли в пятый класс, это собирались вводить. Я вообще не представлял себе, как я буду закрывать этот шкафчик. Мне казалось, что это будет работать по принципу закрытия двери от класса или дома, а этого я до пятого класса не делал. Но все оказалось не так страшно. Шкафчики были с магнитными ключами. Нужно было подносить магнитку к дверце шкафчика, и дверца открывалась (работало все это по принципу домофона). Соответственно, если кто-то пытался открыть своим ключом чужой шкафчик, у него это не получалось, потому что у каждого шкафчика был написан свой номер, и он писался на ключе. Если кто-то потерял ключ, можно было с вахты взять универсальную карточку и открыть шкафчик. Только потом надо было ее вернуть обратно, так как карточка была всего одна. Но здесь была еще одна опасность: те же незрячие могли найти по ошибке не свой шкафчик и открыть карточкой любой другой, и опять же уйти с чужими вещами. Так же делали и зрячие подростки, специально, чтобы подворовывать. Но с другой стороны, воровство в школе изрядно сократилось.

Что же касается уроков, то здесь мы довольно быстро привыкли к разным учителям, к физкультуре и ко всему такому. Правда, с лыжами у меня и у Димы были проблемы. Как бы это стыдно ни было, но мы до пятого класса не умели завязывать шнурки, а лыжные ботинки были только на шнурках. Физкультурник нам частенько ставил двойки за это и оставлял в лыжной, чтобы мы учились это делать, пока остальные катаются на лыжах. Ему было уже за семьдесят и понятно, что появились возрастные проблемы... Когда Дима не мог залезть на коня или на бревно, он всячески ругал его, а бывало, и называл его и меня заодно – мешками с отрубями, «которые даже на канат залезть не могут». Он снимал Диму на видео, когда тот мучился с бревном, пытаясь залезть на него. Понятно, что и с лыжами была примерно та же ситуация. Если же мы вдруг выходили на лыжи, он начинал нас бить палками под коленями, ругался, что мы либо лыжи не можем надеть, либо что-то в принципе неправильно делаем. У директора был зуб на него, не поэтому, конечно, а по каким-то личным причинам. Но я думаю, что если бы директор узнал, что он творит на уроках, его бы давно уже уволили, а так, его уволили только год или два назад, когда мы уже закончили школу. В остальном же в пятом классе все у меня было нормально.

Я и Дима. В чем мы сходны и в чем отличаемся

Как я уже говорил, мы с Димой – лучшие друзья детства. Мы знакомы еще с самого садика.

Что мы только не творили в школе: фигню всякую городили, огнетушители об стенку били и ржали со звука, с каким он об нее ударяется, «музло» всякое на переменах гоняли с его телефона...

Должен сказать, что в техническом плане он всегда опережал меня. У него был телефон с музыкой, когда у меня телефона не было вообще. Да и сейчас он знает в андроидах немножко больше, чем я.

У нас у обоих были проблемы с письмом в первом классе, обоим туговато давалась математика. Мы даже в пятом классе, якобы чтобы стать умнее и лучше соображать на математике, ели кусковой сахар, думая, что он нам поможет. Но мы перестали это делать, потому что нам сказали, что это сахар к чаю, и мы расходует его просто так.

Мы баловались с его говорящими часами (есть такие часы, которые с виду похожи на обычные, но у них есть большая кнопка, при нажатии на которую озвучивается время). Дима эти часы и об пол кидал, сбивая время, и со звуками в часах баловался... в общем, веселились и дурачились, как могли.

У обоих могли бы быть сильные проблемы с учебой. Но есть здесь одно кардинальное отличие. Если мои домашние заметят, что у меня снижена успеваемость по какому-либо предмету, что у меня хотя бы одна двойка, то они, конечно, не будут ругать меня за нее, а постараются помочь, выяснить, почему двойка и ликвидировать мои пробелы в том или ином вопросе. Но у Димы была иная ситуация.

Еще одним отличием меня от него является то, что я сам хотел учиться, и со мной занимались, а он ленился, и запустил себя в итоге донельзя. Чем старше мы становились, тем больше усложнялся материал, а он почти не тянул материал более младших классов. В итоге, если у меня и были двойки, то крайне редко, а он учился почти на одни двойки. Многие преподаватели ставили на нем крест, поднимали его на смех почти на всю школу.

Ориентировка в пространстве в средней школе

Как мы уже говорили, в средней школе у нас поменялся педагог по ориентировке. Это была Ногина Любовь Борисовна, дама лет шестидесяти, может тогда была чуть помоложе. С ней мы уже чаще стали выходить на улицу с тростями, также строили маршруты на приборе «Ориентир». Она нас учила составлять словесный рассказ о маршруте, куда сейчас идем. Например, один рассказывает («ведет за собой остальных»), а остальные должны представлять себе, как это выглядит («идти за ним»).

У меня никогда не было проблем с составлением словесного рассказа, Любовь Борисовна всегда была мной довольна. Поначалу мы учились пользоваться тростью в малом пространстве, обследовать кабинеты в школе, пользоваться тростью в коридорах и закреплять маршруты на приборе «Ориентир». Затем мы стали выходить на улицу.

Наша школа имеет форму перевернутой буквы п. Мы сначала обходили вокруг школы, запоминали все ориентиры, какие здесь есть (звуковые, тактильные, обонятельные и т.п.), потом план школы выкладывали на приборе «Ориентир». Потом постепенно стали выходить за пределы школы. Сначала от школы до проспекта Шаумяна, потом все дальше и дальше. И все эти маршруты закрепляли потом в классе. Тому, что нужно поднимать трость при переходе дороги, чтобы машины видели, что идет незрячий человек, тоже научила нас Любовь Борисовна.

С ней мы ходили и в магазин «Море чая», который находился недалеко от школы, тем самым еще и отработывали навыки по СБО, и вообще у нас с ней было много разных интересных проектов, о которых и пойдет речь в следующих главах.

«Школа – дом»

«Школа – дом» – это проект по ориентировке в пространстве, в котором кто-то из учеников сам едет от школы домой, и ведет за собой остальной класс. Здесь прорабатываются и навыки пространственного ориентирования, и навыки приема гостей (СБО). По этому проекту мы ходили сначала к Диме, но в квартиру не заходили, а потом ко мне, и здесь уже все было куда интереснее. Как это выглядело?

Сначала мне нужно было рассказать маршрут, по которому мы всем классом должны были поехать, а остальные должны были себе его представить. Затем мы поехали. Повезло еще в том, что мы выбрали праздничный день, а именно день рождения Димы. 9 декабря 2013 года (мы тогда были в шестом классе). Мы всем классом поехали ко мне домой. Не было только К., потому что родители никогда не оставляли его на дополнительные занятия, хотя ему это было бы полезнее всего. И Максима, потому что Максим в пятом классе сначала частично, а потом полностью потерял зрение из-за отслойки сетчатки, и остался на второй год в пятом классе (он год лечился, но это ни к чему не привело. Нас в классе осталось семеро).

У метро «Новочеркасская» мы купили торт и поехали ко мне домой. Нам нужно было доехать до станции «Достоевская», там пересесть на первую (красную) ветку и ехать до станции «Политехническая». Когда я вышел на «Достоевской», я пошел не оглядываясь, хотя за мной шла целая группа из ребят и двух взрослых (Любови Борисовны и Татьяны Анатольевны – нашей тогдашней воспитательницы). Мне все кричали: «Гриша, куда ты пошел!? Остановись, подожди нас!» Когда мы доехали до «Политехнической», нам нужно было сесть на четвертый троллейбус и ехать до моего дома. У метро ходит много троллейбусов, но подходит мне только один. И вот мы всей группой стояли, мерзли в ожидании этого несчастного троллейбуса.

Чтобы незрячему войти в троллейбус, нужно одной рукой контролировать дверь, а тростью в другой руке смотреть, куда идешь. Также нужно делать и при выходе, и вообще при пользовании любым транспортом, будь то трамвай, или поезд метро.

Доехали, слава богу, до моего дома, вошли в квартиру. Там нас встретила моя бабушка и младшая сестра Майя. Мы попили чай, пообщались, а затем я и Витя поиграли на пианино (Витя тоже ходил в нашу музыкальную школу). Затем ребята поехали обратно, а я, естественно, остался дома, готовиться к проверочной по истории по Столетней войне. Должен сказать, кстати, что я до этого случая ни разу не ездил домой сам. В пятом классе мне папа говорил, чтобы я всегда носил с собой дневник, иначе, если я его забуду, поеду домой сам. Один раз я его все-таки забыл и был готов ехать сам. Папа подумал, подумал, и сказал: «Ну ладно, отвезу тебя в последний раз, не подготовился».

Школа – дом – очень интересный проект. И это еще только небольшая часть того, что мы делали в рамках ориентировки в пространстве.

Большая ассамблея

Большая ассамблея – это еще одно мероприятие в рамках ориентировки в пространстве. Это концерт, где выступают все классы по тематике ориентировки в пространстве. Они рассказывают о маршрутах, куда они ходили, иногда даже рассказывают сами маршруты. Говорят также о том, что они делали в том месте, куда ходили. Кто-то рассказывал про поход на фарфоровый завод имени Ломоносова, кто-то про поход в железнодорожный музей... все эти проекты тоже идут в рамках ориентировки в пространстве. Открывается большая ассамблея мазуркой, которую танцует пятый класс. Я танцевал мазурку с Ариной, Никита – с Лизой, Дима с еще одной преподавательницей по ориентировке – Екатериной Мухтаровной. Надо было видеть это зрелище... но в целом, все закончилось нормально, хотя и казалось на репетициях, что я и танец – две совершенно несовместимые вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.